

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Хохрина З.В., Машанов А.А., Ростовцева М.В.

ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, e-mail: office@sfu-kras.ru;

ФНОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет»,

Красноярск, e-mail: mpsi_24@mail.ru

В статье показывается, что перспективным и методологически значимым социально-философским подходом в исследовании социальной адаптации является деятельностный подход. Он позволяет анализировать социальную адаптацию на макро- и микроуровнях и дает возможность синтезировать поиск единых оснований процесса социальной адаптации. Подчеркивается, что в контексте деятельностного подхода особенности социального адаптационного процесса могут быть раскрыты с точки зрения исследования динамических характеристик как всего процесса в целом, так и отдельных его компонентов и детерминант, характеризующих своеобразие фаз адаптации, ее стадий и этапов. Показано, что общими системными атрибутами процесса социальной адаптации являются: проблемная социальная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, адаптационные ресурсы (имеющиеся, достаточные и необходимые) для ее разрешения, социальные отношения, возникающие в процессе разрешения личностью противоречия, принимающие форму адаптационных стратегий, и результат адаптации, выражающийся в социальной адаптированности или дезадаптированности индивида.

Ключевые слова: деятельностный подход, личность, социальная адаптация, адаптационные стратегии

ACTIVITY ASPECT SOCIAL ADAPTATION OF PERSONALITY

Khokhrina Z.V., Mashanov A.A., Rostovtseva M.V.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, e-mail: office@sfu-kras.ru;

Moscow psychology-social University, Krasnoyarsk, e-mail: mpsi_24@mail.ru

The paper shows that a promising and methodologically significant socio-philosophical approach to the study of social adaptation is active approach. It allows you to analyze the social adaptation to the macro and micro levels and gives you the opportunity to synthesize the common grounds search process of social adaptation. Emphasizes that in the context of the activity approach especially social adaptation process may be disclosed in terms of the study of dynamic characteristics of the process as a whole and its individual components and determinants that characterize the uniqueness of the phase of adaptation, its stages and phases. The basic stages of the adaptive cycle problematic social situation, actualizing adaptive process, adaptation resources (available, sufficient and necessary) to resolve it, social relations arising in the process of resolving personality conflicts, taking the form of adaptation strategies, and a result of adaptation, manifested in social adaptation deadaptation or individual.

Keywords: activity approach, personality, social adaptation, adaptation strategies

Чем объяснить широкую популярность исследований социальной адаптации в наше время? Динамизмом нашей жизни. Однако мир так быстро меняется, что даже при относительно «универсальном» подходе к изучению личности, каковым, безусловно, является социально-философский, та структура личности, те формы поведения, которые были адаптивны пять-десять лет тому назад, сегодня могут являться дезадаптирующим и дезорганизирующим фактором. Если в недавнем прошлом, индивид, окончив университет, приобретя за несколько лет опыт практической работы, мог в течение оставшейся жизни спокойно жить на «проценты» от накопленного профессионального капитала, то сейчас груз устаревших сведений при наличии личностной ригидности и нежелании использовать последние достижения науки может еще недавно авторитетную личность быстро превратить в реликт. В этом отношении задача социальной философии заключается не только в том, чтобы обозначить пробле-

му и основные направления ее решения, но и указать, как ее решить.

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена потребностью в осмыслении проблемы формирования и развития тех качеств человека, которые необходимы для адекватного выбора новых мировоззренческих принципов, способов достижения целей деятельности, соответствующих нестабильности современных социальных ситуаций. Постоянное продуцирование нововведений и неспособность, неготовность членов общества к эффективному их освоению характеризуют такой тип развития нашего общества, при котором проблема социальной адаптации находит максимальное выражение. Только при условии решения ряда новых методологических задач, связанных с ее социально-философским осмыслением, можно наметить перспективы и траектории влияния на этот процесс и повысить адаптивную способность российского общества в целом и каждого человека в частности.

Наиболее перспективным и методологически значимым подходом исследования социальной адаптации в социальной философии является деятельностный подход.

Следует оговориться, что сама категория деятельности и связанные с ней аспекты являются достаточно изученными в научной литературе. Достаточно упомянуть имена немецких корифеев И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга и Г.В. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса и других авторов, которые разработали научную категорию, способную выражать сущность человека, его социальную природу через решающую роль труда в социальной и индивидуальной жизни, через продукты собственного труда человека.

Деятельность в философии – специфически-человеческий способ отношения к миру – «предметная деятельность» (К. Маркс); представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы – объектом своей деятельности. При этом человек не просто взаимодействует с природой, а постепенно включает её саму в состав своей материальной и духовной культуры, что позволяет говорить об адаптивно-адаптирующей (приспособительно-приспосабливающей) форме отношения человека к действительности. Она основана на его способности как приспосабливаться к среде, так и приспосабливать её к себе, преобразовывать, видоизменять её через создание условий и средств, отсутствующих или недостаточно представленных в этой среде [2].

В широком смысле понятие «деятельность» означает процесс создания общественным субъектом условий своего существования и развития, преобразование окружающего мира и самого себя в соответствии со своими потребностями и целями. Поскольку мы ведем речь о социальной адаптации, логично сместить акценты на социальную деятельность, которая и лежит в основе социальной адаптации.

Социальная деятельность является динамичной системой активного взаимодействия личности (социальной группы) с окружающим миром, в процессе которого происходит воспроизводство человека как существа общественного, осуществляется целесообразное изменение и преобразование природного и социального мира [4]. В социальной деятельности проявляется активность личности, ее творческие качества, мотивы, установки, поступки. При таком акценте достигается понимание диалектики человеческой активности по отношению к окружающей его реальности: зависимости человека

от мира, его «вписанности» в этот мир, его обусловленности им, и в то же время человек обладает способностью активно, сознательно его преобразовывать в соответствии со своими интересами и особенностями.

Деятельность глубоко диалектична по своей природе не только с точки зрения реализации ее как процесса, но и по своим результатам. Самое парадоксальное из противоречий, на наш взгляд, проявляется при анализе причинно-следственных связей, пронизывающих как индивидуальные деятельностные акты, так и масштабный общественный труд. В этом отношении наиболее демонстративным свидетельством «трагичности» бытия и отдельного человека, и общества в целом является «грандиозность» следствий их адаптационных деятельностей, порожденных мотивациями, мало сопоставимыми с этой «грандиозностью». Мизерность причин и грандиозность следствий являются крайними полюсами широкомасштабной адаптивной деятельности российского общества, представляющей собой в самом общем смысле, с одной стороны, авантюру, торговую сделку с природой, с другой – разграбленную, униженную страну, искалеченные судьбы, души и тела миллионов людей. Конечно, российский пример не единственный, но, пожалуй, самый трагичный. По этому поводу еще полтора века назад очень метко выразился П.Я. Чаадаев, писавший в своих «Философических письмах», что весь смысл России состоит в том, чтобы демонстрировать людскому роду, как не надо обходиться со своим народом, государственным строем и природой. «Я вас спрашиваю: не нелепость ли господствующее у нас предположение, будто этот прогресс народов Европы, столь медленно совершившийся и притом под прямым и явным воздействием одной нравственной силы, мы можем себе сразу усвоить, даже не потрудившись узнать, как он совершился» [9]. Следует отметить, что еще в 30-е годы XX века В.И. Вернадский выразил сходное мнение, отразив его в своем учении о ноосфере. Именно он одним из первых русских ученых сделал вывод о кардинальном изменении облика нашей планеты вследствие широкомасштабной преобразующей деятельности человечества, о возможном исчезновении всего живого на Земле, о необходимости «разумного» развития общества в соответствии с естественными природными законами. Русские космисты К. Циолковский, Н. Федоров, Н. Умов и др. путь преодоления экологического и антропологического кризиса видели в формировании особого «космического мировоззрения». О роли социальной адаптации в решении данной проблемы более

предметно говорил Н.Н. Моисеев в русле направления, названного им универсальным эволюционизмом. В частности, ученый пришел к выводу о том, что следует рассматривать не ноосферу, которая сменит биосферу естественным образом, а эпоху ноосферогенеза, то есть человечеству еще предстоит движение к ноосфере, которая станет целью коэволюции природы и общества. Позднее данные направления исследований были поддержаны учеными, разрабатывающими вопросы решения глобальных проблем человечества: Д.М. Гвишиани, В.В. Загладиным, Н.Н. Иноземцевым и др. [3].

По сути, ученые говорят о проблеме социальной адаптации в глобальном масштабе, а именно о необходимости поиска точки равновесия в системе «общество-природа». Сама же эта проблема, на наш взгляд, предопределена естественным, объективным развитием нашего общества, а ее решение возможно лишь в том случае, если человек захочет и сможет ограничить свои потребности, отказавшись от должного во имя необходимого. К сожалению, вектор развития человека как существа разумного направлен лишь в сторону удовлетворения потребностей в комфорте, обусловленной гонкой за право первенства на любом уровне организации отношений: от межличностного до мирового, что, по сути, по нашему мнению, является гипертрофированной потребностью в повышении собственной самооценки за счет паразитарного потребления всего, что можно использовать. «Достучаться» до современных российских людей, находящихся в состоянии постоянной бессознательности и перманентной готовности к бунту, вызванным современными социокультурными реалиями, представляется практически невыполнимой задачей. Ее разрешение усложняется еще и тем, что общечеловеческие ценности, несмотря на некоторые робкие попытки их привить современному поколению, окончательно преданы анафеме. Если мы не в состоянии проявлять милосердие, терпимость, сдержанность, ответственность, любовь к себе подобным, то что же говорить об отношении к окружающей нас среде, которая для многих была и остается абстракцией, опредмечиваемой и воспринимаемой лишь с точки зрения средства для удовлетворения потребностей. Выход в данной ситуации автор данной работы видит лишь в осознании и понимании человеком природных основ социального бытия, в соответствии с которыми он выстраивает свой жизненный путь, развивая свои природные индивидуальные особенности, способности, задатки. По этому поводу в свое время очень метко выразился Д. Юм:

«Человек – существо разумное, и, как таковое, он находит себе надлежащую пищу в науке; но границы человеческого разума столь узки, что можно питать лишь слабую надежду на то, чтобы как объем, так и достоверность его приобретений в этой области оказались удовлетворительны [1]. Человек не только разумное, но и общественное существо, однако он не способен постоянно наслаждаться приятным и веселым обществом, ни сохранять к нему надлежащее влечение. Человек, кроме того, деятельное существо, и благодаря этой склонности, а также в силу различных потребностей человеческой жизни он должен предаваться различным делам и занятиям; но дух нуждается в некотором отдыхе и не может быть всегда поглощен заботами и деятельностью. Итак, природа, по-видимому, указала человечеству смешанный образ жизни как наиболее для него подходящий, тайно предостерегая людей от излишнего увлечения каждой отдельной склонностью во избежание утраты способности к другим занятиям и развлечениям. Удовлетворяй свою страсть к науке, говорит она, но пусть твоя наука останется человеческой и сохранит прямое отношение к деятельной жизни и обществу» [10].

Таким образом, макроанализ социальной адаптационной деятельности людей дает возможность синтезировать поиск единых оснований процесса социальной адаптации, однако необходимо учитывать и нюансы его проявления в разных сферах социальной действительности и в процессе адаптации личности в частности. Этот аспект в контексте деятельностного подхода может быть раскрыт с точки зрения исследования динамических характеристик как всего процесса социальной адаптации в целом, так и отдельных ее компонентов и детерминант, характеризующих своеобразие фаз адаптации, ее стадий и этапов. В этом отношении системно-структурный анализ в контексте деятельностного подхода должен играть решающую роль, поскольку именно он позволяет выделять вытекающие из самой природы личности такие характеристики адаптации, как уровневость, субъективность – объективность и степень обобщения (общее, особенное, единичное). На базе их соотношения и взаимодетерминации можно выделить три подструктуры социального адаптационного процесса, которые будут являться основой, универсальным «скелетом» социальной адаптации, обобщающие описанные выше положения.

Первая подструктура – иерархическая. Она совпадает с уровнем организации и развития субъекта и образована, по нашему мнению, тремя основными аспектами:

физиологическим, социально-психологическим и социальным.

Вторая подструктура – регулирующая или координационная, где происходит упорядочение характеристик и процессов адаптирующегося индивида по признаку субъективности – объективности. Здесь важны два момента. Первый касается выявления и определения объективных характеристик и факторов адаптационного процесса, а также субъективных переживаний индивида на уровне сознания и бессознательного. Это положение не нуждается в обосновании, поскольку принцип единства «внешнего» и «внутреннего», субъективного и объективного давно утверждён в науке (С.Л. Рубинштейн). Второй момент связан с нахождением той точки равновесия, когда субъективность и объективность как некие личностные атрибуты человека гармонично сочетаются, не противоречат друг другу, а дополняют и обуславливают друг друга. Здесь речь идет об оценке индивидуальной вариативности адаптационных реакций и соотнесение их с некими нормами и объективными законами развития социальной и природной среды.

Третью подструктуру образуют три группы характеристик: общие, особенные, единичные. Безусловно, первостепенное значение для исследования социальной адаптации в социально-философском аспекте имеет выявление ее общих онтологических характеристик или атрибутов. Иными словами, социальная философия, на наш взгляд, призвана выяснить некие исходные точки, основания, которые обуславливают единство в многообразии различных проявлений адаптационного процесса, реализующиеся в виде тенденции, объединяющей богатство и многообразие явлений адаптации в систему, единое целое. Данная задача при поверхностном рассмотрении представляется трудноразрешимой, однако методологически выполнима, если сместить фокус внимания с конкретных характеристик у того или иного адаптирующегося субъекта (именно эта тенденция превалирует в современной адаптационной теории) на конкретные атрибуты самого процесса социальной адаптации. Таковыми, по нашему мнению, являются: проблемная социальная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, адаптационные ресурсы (имеющиеся, достаточные и необходимые) для ее разрешения, социальные отношения, возникающие в процессе разрешения личностью противоречия, принимающие форму адаптационных стратегий, и результат адаптации, выражающийся в социальной адаптированности или дезадаптированности индивида. По нашему мнению, именно эти базовые атрибуты пред-

ставляют собой те структурные элементы, которые обуславливают единство в многообразии проявлений социального адаптационного процесса, и представляют ключевые точки структурной схемы системного подхода к изучению социальной адаптации [6].

Раскрытие индивидуальных, специфических закономерностей, как правило, может быть достигнуто с помощью анализа конкретных характеристик того или иного субъекта адаптации. Однако выявление индивидуальных характеристик человека может быть лишь промежуточным этапом анализа. Полный цикл предполагает выявление в индивидуальных характеристиках особенных, а затем общих.

Подобный вывод обуславливает еще один методологический момент исследования социальной адаптации в контексте деятельностного подхода, который проявляется в специфике активности человека с точки зрения его внутреннего отношения и к окружающей действительности, и к социальной среде, и к самому себе в каждый момент времени. В этом плане представляется перспективным и достаточно релевантным применение субъектно-деятельностного подхода, а в его рамках личностно-динамического аспекта, весьма продуктивно используемого в психологических науках. Этот подход нацеливает исследователей на глубокое изучение закономерностей жизнедеятельности субъекта в главнейших формах его активности, важнейших сферах социализации: общении, самосознании, поведении. На основании этого в исследовании социальной адаптации не обойтись и без принципа включенности личности, который в данном контексте будет рассматриваться нами как ведущая системообразующая детерминанта в триаде «общество – деятельность – личность».

Исследование многообразных отношений, которые представляют собой особую форму, траекторию движения личности в социальной среде, является достаточно сложной задачей. Наиболее успешной попыткой ее решения является, на наш взгляд, концепция российского ученого М.В. Ромма. Он предлагает классификацию адаптивных стратегий, основанную на выделении трех основных подходов к исследованию социальной адаптации: нормативного, интерпретативного и бифокального. При этом автор рассматривает любую целенаправленную деятельность, связанную с удовлетворением субъективных и объективных потребностей человека, как имеющую адаптивную ориентацию, и поэтому она оценивается им в качестве универсальной адаптивной стратегии, которая определяет целостную

систему адаптивно-деятельностных отношений индивида и социума. Ученый выделяет нормативные адаптивные стратегии (стратегии, связанные с преобразовательской активностью, творчеством человека); интерпретативные (спектр их разнообразия обусловлен способами интерпретации и понимания человеком социальной реальности в зависимости от субъективной удовлетворенности (адаптивность) или неудовлетворенности (дезадаптивность) различными сторонами жизнедеятельности. И, наконец, комплексные (бифокальные) стратегии адаптации, представляющие собой переплетение структурно-функциональных и интерпретативных процессов, что позволяет достичь не ритуальной, а действительной системности в исследовании стратегий социальной адаптации личности [5]. Проведя детальный анализ и конкретизировав стратегии в русле выделенных подходов, автор приходит к выводу о том, что эти стратегии нечто иное, как информационно-логический алгоритм, скопированный или сконструированный личностью способ реализации индивидуального адаптивного потенциала путем оптимального (с наименьшим количеством разнообразных затрат) использования всех доступных ресурсов адаптации с целью достижения искомого приспособительного эффекта, который субъективно оценивается личностью в качестве необходимого и достаточного. Думается, что заявленная позиция слишком идеализируется автором, что, впрочем, может являться простительным упущением, поскольку социальная адаптация – феномен сложный и многоаспектный, и подобный методологический ход необходим для понимания и описания его онтологической сущности. Все логические конструкции М.В. Ромма, по-видимому, исходят из аксиоматического постулата о том, что любая адаптивная направленность личности – это практически всегда изначально идеальная модель того результата, к которому личность стремится, плюс идеальные способы и средства адаптации, которые личностью тем или иным образом субъективно интерпретируются. Такая позиция существенно облегчает задачу исследования самих стратегий, к тому же дает совершенно четкое представление об онтологическом статусе социальной адаптации. Однако за пределами внимания автора остается вопрос о дезадаптации личности и ее сущностных характеристиках и аспектах. Кроме того, чрезвычайно идеализированные варианты адапционных стратегий, препятствуют реальному пониманию адапционного процесса, который в действительности

многовариативен и непредсказуем. В процессе социальной адаптации, согласно автору, субъект непрерывно интерпретирует окружающую его социальную реальность, на основе чего и формируется субъективное адаптивное пространство и персональная идентичность, которые определяют направленность всей социальной адаптации личности. Думается, что адапционный процесс представляет собой не линейное движение, как это мыслится у М.В. Ромма, а непрерывный цикл, в ходе которого эти самые личностные значения (смыслы) могут постоянно меняться. Причем сама социальная ситуация (проблема) может уйти на второй или даже последний план, а также может быть заменена на другую, поскольку не исключена вероятность наступления момента, когда субъект будет вынужден адаптироваться уже к этим собственным внутренним изменениям и их последствиям. То есть внутри некоего общего адаптивного цикла возникнет множество других – промежуточных, непосредственно не связанных с изначальной проблемной ситуацией, хотя и опосредованных ею.

Следует отметить, что успешная социальная адаптация человека, а точнее ее результат – социальная адаптированность, определяется не абсолютными значениями тех или иных показателей, а изменением структуры взаимосвязей между ними, которые, по сути, и определяют общую направленность поведения (стратегий адаптации) индивида в той или иной проблемной ситуации. Именно поэтому, говоря о социальной адаптации в любом ее значении и смысле, мы всегда ведем речь о действующем индивиде, о человеке, находящемся в состоянии деятельности. С этой точки зрения процесс социальной адаптации – есть не что иное, как динамически-деятельностное многофазное «развертывание» личности – особый тип последовательных личностных преобразований в пределах индивидуально «очерченного» диапазона изменчивости, заданного как индивидуальными особенностями, так и требованиями конкретной социальной среды. Целью этих преобразований, прежде всего, является обеспечение достаточно надежного, приемлемого для индивида способа поведения в конкретных жизненных ситуациях, что делает структуру личности адаптивной в данной социальной среде. На основании этого в исследовании социальной адаптации, по нашему мнению, необходимо постоянно удерживать в центре внимания проблему диалектической связи субъект-объектной активности в формировании личности. Определить и зафиксировать какие-то качественные изменения

и образования в структуре личности здесь будет явно недостаточно, необходимо раскрывать динамику этих образований и их направленность.

Данная задача может быть решена, на наш взгляд, с использованием динамического направления субъектно-деятельностного подхода. Суть этого направления очень четко презентует Л.И. Анцыферова, говоря, что оно ориентировано на изучение закономерностей постоянного движения самой личности в пространстве своих качеств, своего возраста, меняющихся социальных норм, в ходе участия в общественных процессах [анциф]. В этом отношении социальная адаптация выступает как фактор самоорганизации личности, ее самовыражения, проявляющихся в уровне сознания и самосознания индивида, степени развития процессов саморегуляции, самоконтроля, самооценки, самовыражения. Это направление представляется достаточно перспективным еще и потому, что позволяет определять социальную адаптацию как процесс активного преодоления и разрешения человеком различных социальных противоречий: метасистемных (несоответствие функционирования системы «человек» законам более широкой системы), внутрисистемных (например, несоответствие между требованиями деятельности и возможностями человека). Эти противоречия не существуют изолированно друг от друга; их диалектика такова, что противоречия, зреющие внутри, являются своеобразным ответом на давление «извне», и, наоборот, внутренние противоречия инициируют перестройку внешних связей системы, образуя новое качественное состояние, выводящее каждую из противоборствующих сторон на новый виток развития. Поэтому социальная адаптация в данном контексте проявляет свое значение, выполняя функции организации и развития человека как субъекта общественных отношений, как субъекта деятельности [6].

Развитие субъектности, на наш взгляд, – это, прежде всего, способность личности к такой активности, позволяющей найти способ разрешения различных социальных противоречий при сохранении собственной самоидентичности, самореализации своих потребностей, активном самостановлении человека в обществе. Иными словами, развитие «субъектности» – это нахождение человеком способа реализации потребности в деятельности, в общении, в самовыражении, самоосуществлении [7]. И здесь суть социальной адаптации заключается, по нашему мнению, в том, что этот процесс, обусловленный «внешними» и «внутренними» факторами, вместе с тем эмансипируется от тех и других и начинает выполнять функцию своеобразного «буферного» механизма, не

допускающего одностороннего подчинения требованиям внешней среды и вместе с тем препятствующего превращению человека в раба собственных потребностей, своих сиюминутных интересов. Социальная адаптация призвана играть ключевую роль системы сдержек и противовесов, определяющей такой вариант жизнедеятельности, при котором человек находит соотношение между степенью приспособления к социуму и степенью своей автономности как способности противостоять общественному давлению [8].

Таким образом, методологическим «каркасом» философского определения социальной адаптации может и должна служить особая модель развития человека как субъекта труда, основанная на спецификации каждой стадии этого развития через определение ведущей стратегии жизнедеятельности, что позволит выявлять и качественные изменения любых личностных образований, лежащих в основе такой деятельности. Кроме того, рассматривая проблему социальной адаптации в масштабах жизненной стратегии, можно определить два ключевых образования: во-первых, совокупность субъективно-значимых отношений человека (к социуму, предметам, самому себе), во-вторых, совокупность способов реализации этих отношений, т.е. способ организации собственной жизни.

Данные положения обуславливают появление как минимум двух методологических измерений адаптации с точки зрения деятельности подхода. Первая тенденция представляет собой непрерывное усложнение в описании различных моделей адаптивного поведения, начиная от самой простой схемы «стимул – реакция» и заканчивая актуальными современными разработками концепций социального поведения. Вполне успешное начало этой традиции положили бихевиористы, в фокусе внимания которых находился широкий спектр поведенческих актов и взаимосвязанных конфигураций факторов, вызывающих адаптивное и дезадаптивное поведение. С другой стороны, деятельностная природа социальной адаптации предполагает непосредственную связь с особенностями субъекта и его отношениями, с окружающей социальной средой, обязательно подразумевающую когнитивно-оценочные, эмоциональные образования, а также реализуемые техники жизни или жизненные стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией. При этом ведущую роль в результативности адаптационного процесса играют именно ментальные структуры личности как отражение складывающихся отношений и связей с существенными формами социального бытия. На сегодняшний день последняя тенденция, безусловно, превалирует, поскольку тесно связывает

социальную адаптацию с проблемой индивидуального развития человека.

Резюмируя вышесказанное, определим некоторые ключевые положения настоящего исследования.

Сложная, многокомпонентная структура социальной адаптации обуславливает необходимость применения системного подхода к ее изучению. Сущностными характеристиками социальной адаптации с позиции системно-структурного анализа являются: уровневость, субъективность – объективность и степень обобщения, определяющие три подструктуры социального адаптационного процесса: иерархическую (соответствует уровню организации и развития субъекта), координационную (оценивает индивидуальную вариативность адаптационных реакций и соотносит их с объективными законами развития социальной и природной среды), обобщающую (позволяет выделить общее, особенное и единичное в структуре адаптационного процесса).

Общими системными атрибутами процесса социальной адаптации являются: проблемная социальная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, адаптационные ресурсы (имеющиеся, достаточные и необходимые) для ее разрешения, социальные отношения, возникающие в процессе разрешения личностью противоречия, принимающие форму адаптационных стратегий, и результат адаптации, выражающийся в социальной адаптированности или дезадаптированности индивида.

Основные методологические точки исследования социальной адаптации концептуально можно отразить в следующей схеме: деятельностный подход – субъектно-деятельностный подход, личностно-динамический аспект субъектно-деятельностного подхода – принцип включенности личности. Принцип включенности является ведущей системообразующей детерминантой в исследовании социальной адаптации, позволяющей этому процессу выступать в качестве фактора и самоорганизации, и самовыражения личности в процессе активного преодоления и разрешения человеком различных социальных противоречий.

Деятельностная природа социальной адаптации может быть раскрыта с точки зрения исследования двух тенденций. Первая предполагает описание различных моделей адаптивного поведения; вторая тенденция связана с исследованием ментальных структур личности (когнитивно-оценочных, эмоциональных, собственно поведенческих) и его отношений с окружающей социальной средой.

Социальная адаптация выполняет функции организации и развития человека как субъекта общественных отношений, как

субъекта деятельности, позволяющие ему становиться полноправным членом общества, к которому он принадлежит. В основе этого процесса лежит динамически-деятельностное многофазное «развертывание» личности – особый тип последовательных субъект-объектных преобразований в пределах индивидуально «очерченного» диапазона изменчивости, заданного как личностными особенностями, так и требованиями конкретной социальной среды.

Список литературы

1. Анциферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981. – С. 4–8.
2. Кветной М.С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы. – Саратов: Просвещение, 1974. – 214 с.
3. Казначеев В.П. Феномен человека: комплекс социо-природных свойств / В.П. Казначеев; Автор Е.А. Спирин // Человек в системе наук / под ред. И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1989. – С. 121–134.
4. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – М., 1996. – 412 с.
5. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука, 2002. – 275 с.
6. Ростовцева М.В., Машанов А.А. Естественно-научные, психологические и философские аспекты адаптации человека // Вестник КРАСГАУ. – 2013. – № 6. – С. 247–254.
7. Ростовцева М.В., Машанов А.А. Философский смысл понятия «социальная адаптация» // Вестник КРАСГАУ, 2012. – № 6. – С. 288–293.
8. Ростовцева М.В. Машанов А.А. Основные подходы к исследованию адаптивности личности // Вестник КРАСГАУ. – 2012. – № 7. – С. 191–196.
9. Чаадаев П.Я. Философские письма / Полное собрание сочинений и избранные письма. – Т. 1. – М.: Наука, 1991. – 591 с.
10. Юм, Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995. – 435 с.

References

1. Antsiferova L.I. To the psychology of personality as a developing system // Psychology of formation and development of personality. M.: Nauka, 1981. pp. 4–8.
2. Kvetnoy M.S. Human activities: essence, structure, types. Saratov: Education, 1974. 214 p.
3. Kaznacheev V.P. The Phenomenon of man: the complex socio-natural properties / V.P. Kaznacheev ; Author E.A. Spirin // Man in the system of Sciences / Ed. IT Frolov. Moscow: Nauka, 1989. 121–134 p.
4. The latest philosophical dictionary / Ed. by A.A. Grizanov, 1996. 412 p.
5. Romm M.V. Adaptation of the personality in the society: the Theoretical-methodological aspect of the. Novosibirsk: Nauka, 2002. 275 p.
6. Rostovtseva M.V., Masanov A.A. Natural-scientific, psychological and philosophical aspects of human adaptation // Vestnik KRASGU, 2013 no. 6. pp. 247–254.
7. Rostovtseva M.V., Masanov A.A. Joy the meaning of «social adaptation» // Vestnik KRASGU, 2012. no. 6. pp. 288–293.
8. Rostovtseva M.V. Masanov A.A. Main approaches to the research of adaptability of the person / M.V. Rostovtseva, A.A. Masanov // Vestnik KRASGU, 2012. no. 7. pp. 191–196.
9. Chaadaev P.A. Philosophical letters / Complete works and selected letters. Vol. 1. M: Nauka, 1991. 591 p.
10. Um. D. The study of the human mind. Progress, 1995. 435 p.

Рецензенты:

Кудашов В.И., д.ф.н., профессор, ведущий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск;

Круглова И.Н., д.ф.н., профессор, ведущая кафедрой философии Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск.

Работа поступила в редакцию 15.07.2014.